

Б. С. ИЛИЗАРОВ,

*ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,
руководитель Центра документации «Народный архив»,
доктор исторических наук, профессор (Москва)*

ИОСИФ СТАЛИН И ИВАН ГРОЗНЫЙ

В середине 30-х годов XX века в среде советской интеллигенции все чаще велись разговоры, в которых сравнивалась мрачная эпоха Ивана Грозного, его опричнина и террор с нагрянувшей эпохой сталинских репрессий. Достоверно известно, что в 1939 году спецслужбы зафиксировали подобное умозаключение, высказанное в узком кругу (присутствовали И. Бабель, С. Эйзенштейн и др.) давним сталинским любимцем поэтом-сатириком Демьяном Бедным.

Не только православная церковь, но и отечественная историография, начиная с «Истории государства Российского» Николая

Карамзина, в целом негативно оценивала результаты правления и морально-этические качества Ивана IV, притеснявшего духовных иерархов, поставившего государство на грань развала, ставшего причиной иностранной интервенции и многолетней гражданской войны (смуты). Слово «опричник» продолжало нести сугубо негативный смысл вплоть до конца первого десятилетия советской власти. Однако в 1922 году вышла книга заметного уже тогда историка Р. Ю. Виппера «Иван Грозный», в которой царь был представлен как предтеча Петра Великого, первым взмахнувший топором, прорубаясь в Европу. На большинство историков с блеском написанная книга Виппера не произвела особого впечатления, тем более что автор

эмигрировал в буржуазную Литву, но зато на нее, как и на другие исследования автора, обратил внимание Сталин, проштудировавший их с карандашом в руке. Однако традиция двойственной, но в целом негативной оценки деяний Ивана IV была заново поддержана одноименной монографией академика С. Ф. Платонова, вышедшей в те же годы.

Михаил Булгаков, обладавший редким драматическим и сатирическим талантом одновременно, в 1935 году написал пьесу «Иван Васильевич», в которой Иван Васильевич Грозный был волею автора перенесен в эпоху сталинского социализма, а карикатурно похожий на него ничтожный домоуправ Иван Васильевич Бунша пересажен на трон средневекового царя. Осуществить постановку пьесы при жизни Сталина так и не удалось, и не только из-за прозрачных исторических параллелей и намеков, но и потому, что идейно-политическая и моральная обстановка в стране резко изменились. Сталин, осуществляя те или иные практические шаги и политические зигзаги, постоянно обращался к переписанным на собственный лад образам исторических героев и известных государственных деятелей прошлого. Борясь с оппозициями, он обращался к образу Ленина; проводя крутые меры в области индустриализации и коллективизации — к образу Петра I; бросая силы на освоение засушливых районов Средней Азии, песков Каракумов, богатств Сибири — к образам Тамерлана и Ермака; накануне войны, страшась германской угрозы с Запада, — к мифологизированному образу Александра Невского; завершая сколачивание обширнейшей послевоенной советской империи, растянувшейся от середины Европы и до восточных морей Китая, — понуждал вспоминать таких древних мировых владык, как Чингисхан, Батый, Цезарь и т. д. Историки, писатели, кинематографисты, публикаторы, драматурги, композиторы — каждый в меру своего таланта — выполняли очередной заказ на очередного исторического героя.

В 1938–1941 годах, на пике самых жестоких репрессий, а также после присоединения прибалтийских государств и расчленения Польши, Сталин посчитал, что наступило время обратиться к образу Ивана Грозного. По личному распоряжению Сталина Вишпер в мае 1941 года был вызван в Москву из занятой советскими войсками Прибалтики, ему были даны почетные должности в МГУ и Академии наук СССР, его кни-

га о царе с небольшими изменениями дважды переиздавалась в 1942 и 1944 годах, в самый разгар войны в обширном Колонном зале Дома Союзов он прочитал публичный доклад о Грозном и, наконец, был избран академиком.

В январе того же 1941 года А. Ю. Жданов по распоряжению Сталина поручил крупнейшим мастерам — кинематографисту С. Эйзенштейну и писателю А. Толстому создать произведения, пересматривающие оценки личности Ивана Грозного в сугубо положительном смысле. Его внешнюю политику следовало трактовать как освободительную от ига татар (разгром Казанского и Астраханского царств), а по отношению к Прибалтике и Польше — как первую попытку прорыва России в Европу. По прямому указанию Сталина опричников и опричнину следовало отныне рассматривать как эффективный метод борьбы с внутренней крамолой, а их погромные отряды как блестящее «королевское войско».

По разным причинам но ни тот, ни другой художник не смогли удовлетворить псевдоисторические запросы вождя. В свое время и замечательный киносценарий Эйзенштейна, и слабую пьесу Толстого Сталин прочитал с карандашом в руке, сделал замечания, но конечным результатом остался все же недоволен, что особенно плачевно сказалось на судьбе второй части фильма. Сергей Эйзенштейн, увлекшись трагической раздвоенностью вылепленного им образа царя и мрачным, но романтическим колоритом эпохи, сам того не подозревая, не позволил Сталину спроецировать этот образ на самого себя и свое время. Несмотря на искренние старания режиссера, Сталин так и не узнал себя в «гамлетовских» метаниях Грозного, а преданных наркомов и бойцов НКВД не разглядел в образах Малюты Скуратова, Басмановых и беснующихся в дикой пляске рядовых опричников.

Несмотря на искренние старания, Алексей Толстой, будучи уже старым и больным человеком, не сумел даже минимально овладеть историческим материалом или хотя бы искусно состыковать дух столь различных исторических эпох. В большей степени Сталин был удовлетворен произведениями писателей и драматургов среднего калибра (В. Костылев и др.), которые с большей чуткостью отозвались на запросы вождя, за что и были вознаграждены разными премиями. Крупнейшие советские историки — С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский, И. И. Смирнов и другие — каждый на свой манер приняли

самое непосредственное участие в переосмыслении эпохи Ивана Грозного, его деяний и злодеяний.

Так, под видом политической целесообразности, сталинская власть при помощи

выдающихся деятелей культуры и науки, опираясь на искусно препарированные ими исторические образы, освобождалась от общечеловеческих моральных ограничителей и ценностей.